

Татьяна Юппи

ВЛЮБЛЕННЫЕ
РУССКИЕ ДЕВУШКИ
НА ФОНЕ ЛАЗУРНОГО
ФРАНЦУЗСКОГО
НЕБА

Татьяна Юппи

**Влюбленные русские
девушки на фоне лазурного
французского неба**

«BookBox»

2026

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Юппи Т.

Влюбленные русские девушки на фоне лазурного французского неба / Т. Юппи — «BookBox», 2026

ISBN 978-5-908037-38-9

Легкое, «шифоновое» название этого сборника из двух новелл может ввести в заблуждение, если читатель ждет банального чтива в стиле «выйти замуж за иностранца». Ничего подобного. Первая новелла – это очень мастерски сделанное историческое фэнтези с революционной начинкой, разгадать неожиданный финал которого – достойная интеллектуальная шарада. Вторая новелла более реалистична и приближена к современности, но дух революции питает и ее, овеянную идеями великой русской литературы и масонства. А как же лазурное французское небо? Оно изящно венчает любовь и... спокойно смотрит на то, что же произошло с героиней.

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-908037-38-9

© Юппи Т., 2026

© BookBox, 2026

Содержание

Предисловие	6
Первая любовь в первой трети XX века	7
Глава первая	7
Глава вторая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Татьяна Юппи
Влюбленные русские девушки на
фоне лазурного французского неба

История беспощадна к личности.

Более того, она ее просто не замечает.

Николай Бердяев

Художник Лев Ханин

BookBox

© Татьяна Юппи, 2026

© Издательский дом «BookBox», 2026

Предисловие

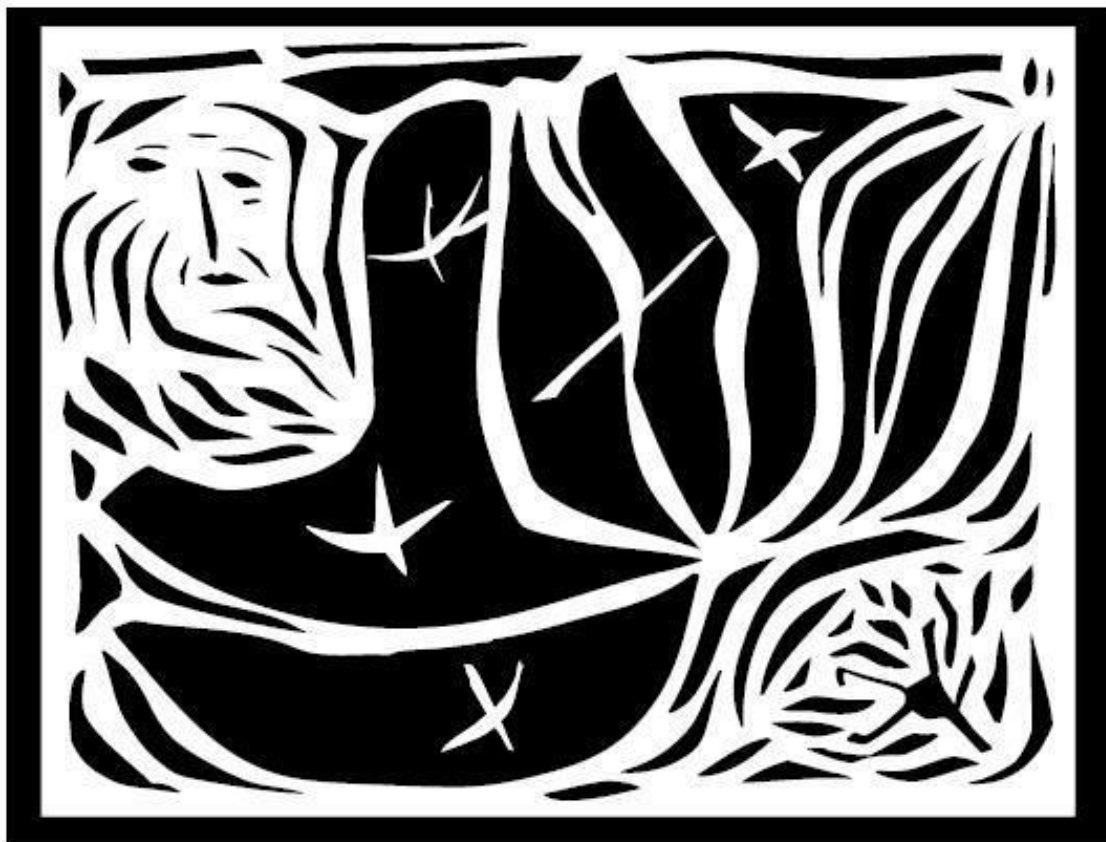
Уважаемый читатель!

Не подумай, что автор настроен иронически. Это совсем не так. Книга состоит из двух новелл, посвященных зарождению любовных чувств героинь в переломные моменты мировой истории, когда искренние чувства, казалось бы, должны быть подавлены жестокостью и цинизмом хаотичного, но неумолимого хода истории.

Первая новелла выдержана в стиле исторического фэнтези, живописующего события в России и Франции при исходных данных, констатирующих тот факт, что в Гражданской войне в России победили белые, а не красные.

Вторая новелла реалистична, показывает читателю 2019 год – второй год стихийной активности во Франции так называемых желтых жилетов. Действие происходит в марте – апреле 2019 года, притом что 15 апреля происходит возгорание собора Нотр-Дам.

Первая любовь в первой трети XX века

Глава первая Париж, весна 1934 г.

Дмитрий Юрьевич Лесовой, нервно озираясь по сторонам без особой причины, шел вдоль улицы Дарю в сторону храма Александра Невского. Была прекрасная солнечная погода. Нудные дожди кончились. Утром даже сквозь плотные шторы гостиницы уже лился яркий лазурный поток, поступающий с безоблачного, словно выполосканного в чистой воде парижского неба. Эта воображаемая вода почему-то напомнила ему реку Бию.

«Мозги бы нам всем сейчас таким макарон промыть», – подумал он и еще быстрее зашагал в сторону храма. Собственно, храм не был целью его вчерашнего приезда в Париж. Большевики презирают этот вид опиума для народа. Шел он в некое заведение под названием «Петроград». Там собираются такие же «артисты погорелого театра», как и он сам.

В 18.00 назначены были слушания по обзору ошибок. Их обзор он называл разбором полетов. А в России, наверное, так еще не выражались. У них вроде еще мало самолетов, куда им. Директория, возмнили о себе. Вдруг шедший впереди него господин резко остановился и повернул стопы назад. Он находился далеко от него, но Лесовой сразу понял, что тот направляется непосредственно на него.

– Гоп-стоп, – криво и рассеянно улыбнувшись, негромко произнес нахал. Больной или просто пьяный? Эта русская фраза, вполне идиоматическая, звучала нелепо. Особенно странно, неорганично – на фоне разодетой парижской толпы, разодетой, как всегда весной, безвкусно, дешево и ярко.

«Пристрелит и поминай как звали. Толпа не спасет. Здесь никому ни до кого нет дела, главное – деньги». Он вспотел липким, холодным потом. Но, как бы он ни боялся, весь облик его нечаянного визави настраивал на доверие, даже сочувствие. А вот этого, пожалуй, не надо. Плавали – знаем таких ангелочков. Чем больше в человеке харизмы, тем больше в нем подлости.

Лесовой снова глянул на сумасшедшего. Это был средних лет, около сорока, скажем так, очень красивый, с тонкими чертами удлинённого лица господин, в котором «все изобличало человека из хорошего общества». Где он слышал или читал эту тургеневскую фразу? Оригинально вспоминать классиков за пять минут до собственной смерти. Тип медленно вынул из кармана игрушечный пистолет. Или не игрушечный? Лесовой посетовал, что стал плохо видеть. Может быть, это даже вообще не пистолет. Мог ли он лет ...дцать тому назад предвидеть для себя такую собачью смерть, он, смелый тогда и восторженный юнец!

Тип продолжал улыбаться уже совсем неуместной и жалкой улыбкой. Явно шизофреник. Не приученный убивать. Но фазы шизофрении, знаете ли, разные бывают. Может быть, тип находится в самой опасной и кто-то должен быть у него первым.

«Каждый мужчина хочет быть первым в жизни женщины, а каждая женщина хочет быть последней в жизни мужчины». Ох и упрощал проблему буржуазный декадент Оскар Уайльд. Мысли в голове Лесового путались, как в калейдоскопе, уже стала суматошно проходить перед глазами вся его жизнь. Похожих на этого парней он видел в Сибири и в Петрограде и, где можно, стрелял по ним. Убивать, чтобы тебя не убили. Лозунг дня, затянувшегося на два с половиной года, но и не окончившегося даже сейчас. Этот тип так похож на кого-то, уже виденного им. Лесовой потрогал его руку одним указательным пальцем.

– Прикосновение извращенца! – насмешливо произнес субчик и безразлично отбросил свою руку назад. Пистолет оказался сзади, негодяй умело не подпускал Лесового к себе. – Мы с вами уже виделись в подобной ситуации. В Петрограде в девятьсот забытом году. Только «гоп-стоп» говорили вы, а не я. Вы тогда лишили меня инкрустированного дедушкиного барометра. Дед привез его из Монголии, у него была лавка колониальных товаров. И еще, что самое преступное с вашей стороны, – орден в бархатной коробочке с грамоткой от самого царя. Николая Второго, зверски убиенного впоследствии такими же подонками-большевиками, как и вы.

– Царя я не убивал. Странно вы себя аттестуете. И меня тоже, – стушевался Лесовой, следя за пистолетом. – И не говорил я никогда эту бластную фразу «гоп-стоп».

– Господин товарищ Неханович, это были вы, и однажды я это доказал заинтересованным лицам. Заинтересованным в том, чтобы вас ликвидировать. Но я сказал им «фэ», чем спас вам жизнь. Они вас отпустили в Турцию.

– Какая Турция? – картинно завозмущался Лесовой. – Вы несете бред. И я никакой не Неханович, вы путаете.

– Да, теперь вы Лесовой. Красивая фамилия. Тут все ваши поменяли свои фамилии, заматают следы. Здесь вы все якобы единомышленники, а на самом деле друзья, с которыми и врагов не надо. Скоро вы все передеретесь. Если не уже. Это потом войдет в тома истории для благодарных вам русских потомков. Благодарных вам по гроб жизни. И в этот гроб вы вбили гвоздь!

– Послушайте, вы не тянете на обличителя пороков большевиков! – попытался вклиниться в эти монологи Лесовой. – Еще неизвестно, кем сами были во вторую революцию. Глядишь, окажется, что жгли в топке паровоза белых или подрабатывали в ЧК, вода туда девушек полюбоваться на это дело, как некто Есенин.

– Да, я со своими обличениями не гожусь вам в обличители. Вы сами скоро себя будете кушать не хуже ваших французских предшественников. Вот сейчас вы предложите мне пройти в ваш затрапезный «Петроград». А там и без меня обличителей хватает.

– Прекрасная идея! – оживился Лесовой. Неужели этот безумец прикончит его прямо в ресторане, на глазах у партийных товарищей? – Публика там давно уже собралась. И в маленьком отдаленном зале слушает Троцкого.

– Троцкого? Больше некого послушать? Русские не умеют говорить, не обладают тайной и харизмой? Троцкий. Перо. Антид Ото. Седов. Старик. Столько псевдонимов. Плодовит батенька. Настоящее имя Лейба Давидович Бронштейн. Не верит в силу русского народа, вот почему дефилирует теперь по парижским кабакам. Bravo. Но я бы на его месте поостерегся. Лучше бы повернул лыжи обратно в Америку. Ему же там раньше нравилось. «Нью-Йорк импонировал мне, так как он полнее всего выражает дух современной эпохи», – это из Троцкого. «США – это кузница, где будет выковываться судьба человечества. Старые европейские державы потеряют свое влияние». Закат Европы...

– Шпенглер? – радостно продолжил Лесовой, увидев уже, что этот сумасшедший завелся на каких-то своих излюбленных коньках.

– Нет, я цитировал именно из Троцкого, – продолжил опасный тип. Женщины, шедшие ему навстречу, самых разных возрастов, иногда пристально и восхищенно вглядывались в него и хотели наверняка понять, о чем глаголет сей красавец. – Хотя он, конечно, знает Шпенглера и многих других, как человек весьма образованный. Ходил даже в Парижскую школу социальных наук. Он был, был там в списках. В 1903 году. Однако в данном случае много значит его природная прозорливость. Патологическая.

– Основанная на эпилепсии, – опять встрял Лесовой. Лишь бы встревать и отвлекать этого параноика.

– Революцию не могут делать здоровые, уравновешенные люди. Только зараженные бесами. Вот мы, примерно сказать, зайдем в ваш трактир и будем сразу окружены пассионариями, то бишь субъектами с возбужденной корой головного мозга.

«А сам-то!» – хихикнул про себя Лесовой. Но вслух обронил:

– Вот и идемте, посмотрите на них. А разве ваши вожди в проклятой богом России не заражены бесами?

– Господа оставьте в покое, это не ваша тема, и Россию оставьте в покое. Это самое нужное для нее сейчас. Как клопы насосались, а теперь отвалитесь от нее. Нацельтесь на Францию, на Германию. Бисмарк: «Если хочешь построить социализм, выбери страну, которую не жалко». Вам не было жалко. В вас нет эмпатии! Ну и стройте далеко от нас. Вы теперь вот на Испанию губу раскатали.

– От России мы давно отвалились. Ну вот все вы путаете. Коммунизм и социализм – это разные материи, – важно вставил Лесовой. Но смазливый психопат его даже не слушал, что тоже неплохо: это уменьшает исходящую от него опасность.

– Во Франции Национальный фронт, и без вас обойдутся, допустим. Ваших агентов пруд пруди в Германии, но тут к власти уже пришли социалисты – национал!!! – шизофреник сделал выпенный жест правой рукой и громкую интонацию, мастерски пропев согласную «л».

– Ну это все нереально, – тихо сказал Лесовой. Голос у него опять пресекая: псих держал вторую руку в кармане. Может быть, он левша?

– Вполне реально. И вот всех коммунистов в Германии прижмут к ногтю. – Псих посмотрел на Лесового злорадно, что, впрочем, не испортило его красивого лица. – Тем более, вы тут все через одного масоны.

– Это проверенный способ выжить в эмиграции, – вставил Лесовой, не отрывая взгляд от левой руки сумасшедшего. – Окажись беляки в эмиграции, тоже ринулись бы в масонские ложи.

– А вы в какой состоите? – сделав руки на секунду как бы фертом, нахально прижал его к дереву параноик. Но только на секунду. Он словно бы обучался где-то психическим атакам. – И скажите это все в гитлеровском лагере, куда вас загонят.

– Вы мне нравитесь, – вскричал Лесовой. Он вспомнил, что главное в таких случаях – сломать сценарий нападения. – Кто мне нравится, с теми хочу выпить! Айдайте опрокинуть рюмашечку. Вот прямо в наш «Петроград», в других местах дороже.

– Нет-нет, я не хочу туда заходить. Бесы заразны, тем более в толпе. Бечь людей, бечь людей, как говорили себе старцы в пустыни.

«Нет, он натурально сумасшедший. Вот как бы отобрать у него пистолет», – только и мог подумать в эту минуту Лесовой.

Словно отгадав его замысел, психопат молвил, повысив темп речи и глядя на часы:

– Пистолетик мой игрушечный. Попугал вас – и будет ему. Я приехал сюда к сестре. Играю с ее детьми. Вот купил племяшу игрушечный. Пусть целит понарошку. Девочке не буду. Женщина не должна прикасаться к оружию.

– Это ваша старшая сестра или младшая? – Лесовой продолжал работать на отвлечение внимания.

– Это младшая, сводная. Клод. А мою старшую родную сестру вы близко знаете.

У Лесового резко заныло под ложечкой. Зачем выпивал вчера, да со всяким сбродом и всякую бурду, да под видом партийного поручения.

– Собственно, о ее делах я и хотел бы с вами поговорить, – наблюдательный псих, заметив отпечаток боли на лице Лесового, продолжал невозмутимо и вальяжно. – С участием нашего семейного адвоката. Она пока не может приехать в Париж. Но она нуждается в вашем содействии.

– Содействию в чем? О какой сестре вы говорите? Да вы в своем уме, батенька?

– Полноте грубить, товарищ Неханович! Идите на свое собрание. Там и грубите. У большевиков это лучше всего получается. Я вас позже разыщу.

– У вас есть визитка? – радостно спросил Лесовой. Он понял, что достиг зоны безопасности и в прямом, и переносном смысле. Они уже у дверей «Петрограда». Швейцар в буденновке и с картонным штыком уже приветствует его:

– Там давно началось. Ждут вас, – шепчет горячо и заинтересованно.

Псих резко останавливается.

– Я вам даю только свою фотографию. Вспомните лето 1917 года. Познакомились мы с вами через год. – Он просверлил Лесового безумным взором и протянул ему пожелтевшую, с узорчатыми краями сепию портрета красивого юноши, почти мальчика. Огромные миндалевидные светлые глаза с густыми ресницами, наивно-тревожный взгляд – в ожидании грядущих бед. Еще только слегка намечающаяся бородка, не очень густые, но аккуратно уложенные короткие светлые, чуть волнистые волосы. Пиджак явно с чужого плеча. Форма лица слегка треугольная, треугольник, конечно, правильным углом вниз, как у таких красивых худых мальчиков. И одарил же господь... Ну-ка, а что мы имеем теперь?

Растерянный Лесовой елозил глазами по своему попутчику. Фигура высокая, худощавая, определенно стройная. Выправка белогвардейская, не хватает только оттянутого носка. Треугольник красоты лица стал несколько шире, но годы всегда делают лицо более широким, я и сам не отказался бы вернуть свой юношеский овал, от которого падали ниц все девушки моей округи. Ресницы и брови – да, вот они прежние и составляют главное украшение всего облика. Это он на снимке. И самое неприятное, действительно, чем-то знаком. Это может стать опасным. Иначе зачем он нарисовался передо мной? Как он вообще настиг меня в Париже, когда я обретаюсь и совершаю свои маленькие подвиги в Шалон-Сюр-Марне?

– Константин Васильич, через одного выступаете вы! – теперь уже не зашептал, а почти закричал буденновец, захлебываясь слюной. Лесовой посмотрел на фото, перевернул его. Руки у него дрожали, и этот псих опять все заприметил. Но выражение его лица не было злым и торжествующим. Скорее буднично-деловое. Деловой псих. Новая порода, порожденная веком-волкодавом. На обороте фото только изящная темно-синяя печать Grand Hotel de Voyageur.

– Все. Я скоро выступаю. Было бы предложено. – Лесовой собрал свою волю в кулак. – Итак, вы живете в этом отеле? Я приду к вам. Когда снова приеду в Париж.

– Нет, не так и не «итак», – безумный пристальный взгляд снова стал деловым. – Я вам не нужен, и вы не придете. Не кормите меня завтраками. Это в моих интересах, точнее в интересах моей сестры, увидеть вас. Я приду к вам, когда мне будет удобно. Или приеду. У меня еще есть телохранители. Я надеюсь решить наши дела мирно. Основной пункт нетривиален. Но от вас много и не потребуется.

Буденновец показал на часы.

– Ступайте, Костя! Вот и часовой знает ваше имя, не только я. Я же вас позднее заслушаю. Нам предстоит интересный разговор.

– Но вы меня так заинтриговали. Нехорошо таким образом делать нервы, как говорили в Одессе при отступлении. Я, наконец, старше вас! Над старшими не издеваются. Напротив, их щадят.

– Наша встреча произойдет бардзо быстро, не волнуйтесь, пан Неханович, да ненамного вы меня старше, – почему-то с польским акцентом произнес сумасшедший. – Идите выступать. Ваш черед, – почти приказал этот странный тип. – И никогда не предлагайте мне выпить. У Николая Второго была шхуна «Трезвость». И это он ввел сухой закон. Он сдал вам, большевикам, трезвую страну. Успехов на ораторском поприще. Где уж нам до вашего Лейбы Бронштейна. Но и вы, славяне, на его фоне тоже вполне сойдете. Честь имею.

Сумасшедший первый повернулся к нему спиной и зашагал прочь, к метро. У Лесового еще мелко дрожали колени, когда он вошел в трактир и заставил себя вслушиваться в то, что говорил Троцкий.

Льва Давидовича специально попросили выступить, потому что из-за опоздания Лесового происходила заминка. Лесовой же от неприятного волнения почему-то слышал не все слова.

– Преследования франк-масонов в Португалии... 18-й век, религиозная направленность, а вот 19-й век... многие братья в Испании посвятили себя освобождению южно-американских... от владычества, за что поплатились. 20-й век: братьями стали многие видные коммунисты, до 1922 года это не возбранялось. Марсель Кашен пробрался в... году (Лесовой не расслышал) в Россию и через своих братьев уговаривал в ложах повлиять на царя, заставить его... Антант Кордиаль. Он продолжил войну... Это стоило России свержения царя.

– Почему нельзя было после 1922 года, раз все так хорошо получилось? – выкрикнул с места какой-то наглый по виду тип, сидевший рядом с Лесовым и чем-то напоминающий ему недавнего собеседника с игрушечным пистолетом.

– Тише, – брезгливо поморщился Троцкий. Лесовой пересел поближе к нему, все-таки этот наглец-сосед по столику его чем-то запугал. – Впредь, если новые товарищи хотят участвовать в наших дискуссиях, просьба заранее зарегистрироваться и представить также заблаговременно свои тезисы. А я тут больше распространяться не буду, вот и Дмитрий Юрьевич пожаловали.

Троцкий кивнул ему и одновременно сделал козью морду, которую Лесовой интерпретировал однозначно: не вздумайте продолжать масонскую тему. Потеряв этот выигрышный мотив выступления, Лесовой выступил крайне бледно и невразумительно. Даже хуже, чем обычно. Никто его за блестящего оратора не держал, ему все прощали за его тяжелую молодость с партизанскими набегами и контузиями, но Лесовой был вконец убит. Он даже сразу забыл, что там наплел, точнее, напел в своей короткой речи. Отрадно, что за ним выступал еще один человек, который его выгодно для себя отнюдь не оттенил: это был высокий сутулый старик, в прошлом вроде бы профессор социологии, он тоже нес пургу в позднегроцкистском стиле плюс говорил слишком драматично и замедленно, короче, склеротичный старик, оторвавшийся от корабля современности.

Однако, когда уже все покончили с речами и прениями, когда стали подавать закуску и выпивку и даже пригласили на сцену скромный, немудрящий квартет музыкантов, высокий старик подошел к страждущему напиться Лесовому и участливо спросил: «Что с вами?» Больше к нему никто не подходил. У Лесового денег почти не было. Из гостиницы он откровенно удрал, надеясь успеть на полуночный поезд.

– Давайте пересядем за двухместный столик, вот за тот, как раз освободился. Лучше, чтобы никто не подслушивал. Я знаю, вы тут редко бываете, я только видел вас, но не знаю. Щербинский, – протянул ему старик чуть дрожащую руку. Если бы старик вскоре так назойливо не выпоил ему полстакана беленькой, Лесовой ни за что не вынул бы из кармана это злое фото.

– Боже, какое совпадение! – произнес старик и вдруг заплакал. – Извините. К старости человек становится сентиментальным. Вы же видели, я не пил.

Хитрый Щербинский и правда не пил. Чехов писал, что не пьют, не курят и не волочатся за женщинами только отъявленные негодяи. Однако любят признанные классики упрощать жизнь, а потом учить читателя нравственности и внутренней, так сказать, свободе. Какая пошлость.

– Это мой сын, – важно, картинно прижав фотографию к груди где-то напротив сердца, погладив и прижав ее к старому, чем-то нафталиновым пахнущему пиджаку, проскандировал Щербинский.

Глава вторая

Лето 1918 г. Бийск, Россия

Николай Щербинский, проведя полтора года в военных госпиталях Великой войны простым санитаром, затем проведя полтора тоже года (симметрии его всегда пугали) в самом сердце революции – Петрограде – и возненавидев эту революцию, стал выглядеть почти старичком. Эдаким мальчишкой-старичком. Хотя при всем его старообразии ему было всего 20 лет.

Если рассматривать его деятельность сугубо последовательно, он: перевязывал раненых, кормил их с ложечки, научился махом делать корпии, выносил и хоронил трупы, заразился испанкой и чудом выжил, тосковал по маме и по сестре и еще по одной девушке, с концом исчезнувшей, демобилизовался после испанки, уже когда все рушилось, но успел получить из рук государя георгиевского кавалера, видел бои, смерти, холод и убийственную жару. Зарекался не слушать, но не мог не слушать рассказы о сплетенных в смертельной схватке телах женщин из батальона смерти, защищающих Зимний...

Для одного юноши, хрупкого и такого странного, мало приспособленного к жизни, все это было чересчур. Перед самой поездкой в Бийск заболел возвратным тифом, очень тяжело. Еле выжил, но выжил же. Он мечтал о своем особом предназначении, но не знал, в чем оно состоит. Он постоянно читал молитвы. И наизусть, и по книжкам, которые стал прятать. Чтобы спастись, из Петрограда решил добираться в Бийск вместе с мамой, которой дорога очевидным образом была не по силам. Но мама считала, что Коле одному она тоже была не по силам. За месяц дороги насмотрелись таких ужасов, что по приезде онемели от счастья на несколько дней, оба одновременно плакали без видимой причины или вдруг истерически смеялись. В Бийске снова заболел возвратным тифом, на то он и возвратный. Но эта атака была немножко терпимее предыдущей, очень помогало то, что дед и бабушка ухаживали, а мама и Коля были рады тишине и тому, что можно подкормиться. Колю мучили ночные кошмары, бабушка заваривала ему вкусные душистые травы: «с-под Белокурихи», говорила она, подергивая ртом. В этом году после гриппа у нее начался тик и не проходил, портя ее милое, добродушное лицо. От бульона из курицы, спрятанной от колчаковцев (вторую отдали все-таки им: своя жизнь дороже), отказывался твердым голосом: «Бабушка, Петров пост!»

– А ты разве веруешь, Николенька? Ой, тогда ты у нас в роду единственный праведник, а мы все пошли вразнос. Вот и Юля наша. Имею серьезные подозрения.

Юля была старшей сестрой Николеньки, ей было 25 лет.

– Хоть бы скорее замуж вышла, и по-церковному бы.

– Бабушка, у тебя довоенные замшелые понятия. За кого замуж прикажешь? Всех женихов перестреляли, либо они в большевики пошли. И какой поп ее будет венчать? Всех попов поставили к стенке.

Коля сам отвернулся к стенке, почувствовав жуткую усталость.

– Колюня, слышала анекдотик в очереди за хлебом. Может, не так поняла. Ты же говоришь «замшелая». Только поняла, что это касается будущего времени. Есть же такие анекдоты, мудреные. Слушай! – Она потрогала ему лоб. – Вроде нормальная. Низкая температура тоже плохо. Надо смерть. Сейчас градусник из тумбочки достанем. Так вот: «Прошло много лет. Одна замуж не вышла...»

– Большевики скоро общих жен введут! При чем здесь одна не вышла!

– Так вот, подожди. В общих жен не верю. Замуж – и весь сказ. Так вот, ее и спрашивают: «Что же ты замуж не вышла?» А она и говорит: «За красных не хотела. А белые меня не брали». Смешно, правда, Колюнь? Ой, да ты дремлешь. Поспи, поспи, малыш.

Сквозь болезненную полудрему в голове Коли роились назойливые мысли: неужели наш русский народ будет делиться на белых и красных, и еще долго? Плюс зеленые есть. Могут

появиться синие, как во Французскую революцию. Перед глазами Коли встал отец во весь рост, Коля понимал, что это еще до революции, отец в той еще одежде и в парижской квартире.

«Есть разделенные нации и есть цельные. Французы – разделенная нация. Филипп Бродель», – уверенным голосом лектора почти скандировал папа. Потом почему-то приласкал его и поздравил с орденом.

– Бабушка, этому малышу сам царь вручил орден! – прошептал Коля.

– Бредит, а температура нормальная, – тоже прошептала бабушка.

– Мама, не бредит! Был орден, Георгий, он не сказал, какой степени. За храбрость. В коробочке синего бархата, там и бумага с печатью и подписью самого императора, – вошла мама и сразу заговорила громким горячим шепотом. Она не умела говорить тихо.

– Куда же делся орден? – нахмурясь, спросила бабушка.

– Куда-куда, на кудыкину гору. Я его сама видела. Не вгляделась, какой степени. Он понес Валединским похвастаться, на Марсово поле. И вдруг подходит к нему какой-то хмырь, шкет, буквально гопник, гоп-стоп – и выворачивает карманы. Берет орден и показывает ордер на реквизицию.

Коля проснулся от резкого голоса мамы. Не нужно было бабушке вообще рассказывать эту печальную историю, но в то же время ему было приятно, что мама за ним ухаживает. Сейчас она сменит бабушку, будет гладить его своими нежными руками. Еще хотелось бы, чтобы поухаживала Юля. В Петербурге, еще в той, довоенной и счастливой жизни, они все трое друг за другом ухаживали, если кто-то из них заболел или вступал в какую-нибудь смешную, нелепую ситуацию. А с братом Васей оба воевали, объединяясь против него, словно в невинной игре. Но теперь мысли Юли были заняты другим. Николенька удивленно и ревниво прочитал это другое в ее глазах. Когда она поворачивалась к нему своей широкой, как у мамы, но теперь сильно похудевшей, почти костлявой спиной, он словно видел это другое. Это не только нечто другое, это некто другой. Это был негодяй, последний из последних супостат, большевик. И с какой-то странной фамилией – Неханович. Хотя на вид славянин, уверяла Юля. Еще не видя его, Николенька почувствовал, что в упор не признает этого типа. Батюшка Илиодор, тот на уроке Закона Божьего настаивал никого не презирать. Запрезирал кого, впал в презорство, кайся. Где теперь этот батюшка Илиодор? Некий красный подонок застрелил его на глазах прихожан. Придется лицезреть прохвоста Нехановича завтра. Он придет вместе с моим старшим братом Васей завтра вечером. Какая лихоманка его принесла в Бийск? Он вроде из Белоруссии. А вот кого еще Коля не хотел видеть, так это брата Васю. Вася давно и серьезно захороводился с большевиками, занимал там какой-то пост в Бийской ячейке РСДРП(б). Это «б» Николеньку особенно бесило. Они сейчас ушли в подполье – где живут, вообще непонятно.

И вот назавтра вечером все в боевой готовности уселись под лампой, пили варенец, заедали сухариками. Дедушка называл это продпаек. Наконец бабушка метнула на стол китайский фарфоровый сервиз. В этот момент Вася, согласно сценарию, отлучился на пять минут. И действительно, буквально через считанные минуты появился с этим Нехановичем. Юля слегка покраснела, и мама почему-то тоже.

Покинув мезонин и свою уютную лежанку в нем, Коля слегка оторопел при виде этого типа, смело протягивающего свою руку поочередно всем присутствующим. Коля руки не подал. Он где-то видел его раньше. Но тогда свет на него падал по-другому, это было на закате. Но где? Неужели в Питере? Или раньше, на фронте? Какой-то вечный жид, всюду он. И голос этот, бархатистый, глубокий тенор, слегка нервно дрожащий, он тоже почему-то запомнил. Хотя столько встреч было, на всю оставшуюся жизнь хватит. Что за чудеса. Я еще не выздоровел. Возможно, это бред.

– Царизм я возненавидел с детства, – Неханович заменил изложение своей биографии, более уместное в этой ситуации, броскими политическими лозунгами. – Мы были мелкопоместными дворянами. Всего у папы с мамой пять человек детей нас. Недалеко от Гродно. Сто-

лыпинские реформы. Будь они прокляты. Мой папа был тогда офицер. Отказался вешать крестьян за столыпинские галстуки в одной деревне в Псковской области. За это неповиновение Николаша его разжаловал. Как бесчеловечно. Мы тогда все потеряли. Нас же пятеро у папы было. Я из гимназии вынужден был уйти. Кормился у пастуха в подпасах. Я даже жил у них, потому что и имение мы потеряли. В 14-м году папу призвали на фронт простым солдатом, ведь погоны с него сорвали. Геройски погиб на фронте в 16-м. Николаша ему все вернул, даже наш родовой замок под Вильнюсом. И посмертно звание дворянства.

– А другой бы царь не возвратил, – вклинился дедушка. – Вы хотите справедливости? Справедливости нигде нет. Да вы и неточны. Николаша – это не царь, а его дядя. В другую бы партию вступили, в кадеты, например.

– Недолго мы понаслаждались возвращенными благами. Потому что тут и Николаша полетел, а я с 17-го года в большевиках, – не слушая деда, продолжал гость.

– Ну вы много хотите! И царя свергнуть, и блага вернуть, – почему-то уже поникшим голосом протянул дедушка. Никола же успокоил себя тем, что с дедом у них мнения совпадут насчет этого Кости (так звали Нехановича). Колю особенно раздражала Костина манера строить такие рубленые фразы. За версту видно, что гимназиев не кончал.

– Если насчет партий, то я сначала эсером был. Эсеров народ любил! Вот на одном собрании к нам молоденький такой парнишка подошел, из евреев, не из иудеев, вроде из лютеран. Маленький такой, а держится прямо и гордо, даже головку назад опрокидывает. И подарил нам свое сердце – стих.

Костя взял протянутую Васей невесть откуда взявшуюся гитару с бантом (вот подготовились, полный восторг!) и, перебирая пальцами довольно примитивную, почти речитативную мелодию, стал петь своим бархатистым, дрожащим, но очень задушевым, грустно-задумчивым тенором:

– Среди лесов, унылых и заброшенных,
Пусть остается хлеб в полях некошеных!
Мы ждем гостей, незваных и непрошенных,
Мы ждем гостей!
Пускай гниют колосья незрелые!..

Тут он посмотрел почему-то на странно улыбающуюся Юлю, она вся сразу подтянулась и перестала улыбаться.

– Они придут на нивы пожелтелые,
И не сносить нам, честные и смелые,
Своих голов!

Они растопчут нивы золотистые,
Они разрушат кладбища тенистые,
Потом развяжет их уста нечистые
Кровавый хмель!

Они ворвутся в избы почернелые,
Зажгут пожар, хмельные, озверелые...
Не остановят их седины старца белые,
Ни детский плач!

Среди лесов, унылых и заброшенных,

Мы оставляем хлеб в полях некошеным.
Мы ждем гостей, незваных и непрошенных,
Своих детей!¹

Коля почему-то снова почувствовал температуру, кровь словно ударила по его лицу, а дедушка спросил:

– Так зачем из эсеров-то ушли, голуба вы душа? Ведь любили вас, и где же логика? Большевики не решат земельную проблему, наобещают, а потом расстреляют, об этом и в романсе вашем поется, – прокомментировал концертный номер дедушка, это было хорошо, а то Коля чуть не счел его предателем.

¹ Стихотворение Осипа Мандельштама, 1906 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.